

НЕКОТОРЫЕ ОШИБКИ
МОЖНО ИСПРАВИТЬ

Второй Шанс: 1998

НОСТАЛЬГИЯ
БИЗНЕС
ВЫБОР
СЕМЬЯ

РОМАН

Милана Панова

Второй шанс: 1998

<https://litres.ru/74506463>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрею Лазареву сорок. За плечами у него развод и ипотека. Жизнь не сломалась, но просто тихо прошла мимо.

Однажды ноябрьским вечером он засыпает под старую кассету из коробки с юношеским хламом, а просыпается 12 мая 1998 года. Ему снова восемнадцать, а до 17 августа, когда рубль рухнет вдвое и страна проснётся нищей, остаётся ровно девяносто семь дней.

Андрей знает, кто выиграет чемпионат мира во Франции, какие банки лопнут первыми, и что через одиннадцать лет появится странная цифровая монета, которую все будут считать игрушкой для чудаков. И точно знает, какие ошибки совершил в первый раз.

Осталось самое сложное. Надо заработать первые деньги без денег, не потерять голову в городе, где у каждого ларька своя «крыша» и понять, почему он, кажется, не единственный, кто вернулся.

Ностальгия по девяностым, бизнес с нуля и второй шанс для тех, кого когда-то не уберёг.

Содержание

Глава 1. Аннотация	4
Глава 2. Сорок лет — ни очём	6
Глава 3. Двенадцатое мая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Милана Панова

Второй шанс: 1998

Глава 1. Аннотация

Андрею Лазареву сорок. Развод, ипотека, работа начальником отдела продаж сантехники в фирме, которая доживает последние месяцы, и сын-подросток, отвечающий на сообщения примерно раз в неделю. Ничего катастрофического — просто в какой-то момент Андрей понял, что его жизнь как будто прошла где-то рядом.

Однажды ноябрьским вечером он засыпает под старую кассету, случайно найденную в коробке с юношеским хламом. А просыпается 12 мая 1998 года.

Ему снова восемнадцать. Мама жива и с утра жарит сырники. Лучший друг Витька ещё дома и пока не знает, что совсем скоро уйдёт в армию и не вернётся. А до 17 августа — дня, когда рубль рухнет втрое, а страна проснётся в совершенно другой реальности, — остаётся ровно 97 дней.

И Андрей знает, что будет дальше.

Он знает, кто выиграет чемпионат мира во Франции. Знает, какие банки скоро лопнут. Знает про интернет, мобильные телефоны и ту самую странную цифровую монету, которую через одиннадцать лет все будут считать игрушкой для

чудаков.

И ещё он прекрасно помнит собственные ошибки.

Казалось бы, теперь всё должно быть просто. Но как заработать первые деньги, если у тебя в кармане почти ничего нет? Как объяснить отцу, что его «надёжный» вклад скоро превратится в пустую бумажку? Как не влезть в неприятности в городе, где у каждого ларька и каждого бизнеса есть своя «крыша»?

И главное — почему Андрей начинает замечать, что он здесь не единственный человек, который получил второй шанс?

Ностальгия по девяностым, первые деньги, большой бизнес с нуля, дружба, семья и попытка исправить то, что когда-то казалось уже невозможным.

Глава 2. Сорок лет — ни очём

Шестнадцатого ноября две тысячи двадцатого года Андрею Лазареву исполнилось сорок лет, девять месяцев и три дня. Юбилеем это не было, праздником тоже. Это был понедельник.

Он узнал об этом из телефона, который в семь утра показал ему уведомление банка: «Андрей Викторович, напоминаем о платеже по ипотеке». Следом пришло письмо от генерального: «Коллеги, в 10:00 созвон по итогам октября. Камеры включаем». Андрей полежал, глядя в потолок, на котором расплзлось жёлтое пятно — соседи сверху затопили его ещё весной, а он всё собирался поговорить. Потом встал и пошёл включать камеру.

Он работал начальником отдела продаж в компании «АкваСтандарт». Компания продавала смесители, унитазы и полотенцесушители оптом по Приволжскому федеральному округу и последние полгода медленно тонула — что для фирмы с таким названием было даже поэтично. Карантин закрыл половину строительных магазинов, вторая половина платила с задержкой в три месяца. Андрей руководил отделом из четырёх человек, двое из которых уже искали работу, а один искал её так откровенно, что включал камеру на фоне распечатанного резюме.

Созвон длился час сорок. Генеральный — Олег Палыч,

пятидесятилетний мужчина с голосом прапорщика и привычкой говорить «по факту» — рассказывал о том, что «рынок сложный», что «надо включаться», и что «кто не тянет, тот, по факту, сам понимает». Андрей кивал в камеру и смотрел в соседнее окно, где у него был открыт курс биткоина.

Биткоин стоил шестнадцать тысяч семьсот долларов.

Андрей смотрел на эту цифру с тем же чувством, с каким смотрят на фотографию бывшей жены в новом свадебном платье. В две тысячи одиннадцатом году, когда ему был тридцать один, коллега по прошлой работе, айтишник Гоша, показал ему какой-то форум и сказал: «Смотри, биток по доллару. Купи сотку на пробу». Андрей тогда посмеялся. У него была свадьба на носу, кредит на «Форд Фокус» и твёрдое понимание, что деньги в интернете бывают только у мошенников. Гоша купил. Гоша сейчас жил на Бали и присылал в «Инстаграм» фотографии с доской для сёрфинга.

«Сто долларов, — привычно посчитал Андрей. — Сто монет. Миллион шестьсот семьдесят тысяч долларов».

Он закрыл вкладку. Считать чужие миллионы было его маленьким извращённым хобби, вроде расковыривания болячки.

— Лазарев, ты с нами? — спросил Олег Палыч.

— Да, Олег Павлович. Я вас внимательно.

— По факту — у тебя минус двадцать два процента к плану.

— Я знаю.

— И что ты с этим будешь делать?

Андрей хотел сказать правду: ничего. Потому что половина клиентов закрылась, а вторая половина покупает китайские смесители напрямую через маркетплейсы, и никакой «план» этого не изменит. Но правда в сорок лет стоит дороже, чем в двадцать. Особенно когда в конце месяца ипотека.

— Проработаю базу, — сказал он. — Подниму старых клиентов.

— Поднимай, — согласился генеральный. — Пока тебя самого не подняли.

Кто-то из бухгалтерии хихикнул и тут же выключил микрофон.

* * *

Вечером написала Ирина.

Бывшая жена писала ему редко и всегда по делу, так что каждое её сообщение Андрей открывал с тем же чувством, с каким открывают письмо из налоговой.

«Тимофею нужны деньги на репетитора по физике. 12 000 в месяц. Скинь до пятницы».

Он перевёл сразу — не потому, что было лишнее, а потому, что откладывать было бесполезно: всё равно придётся. Потом написал сыну: «Привет. Как дела? Как физика?»

Тимофею было четырнадцать. Сообщение он прочитал через минуту — две синие галочки загорелись почти сразу, — но ответил только через сорок минут: «норм».

Андрей долго смотрел на эти четыре буквы. Потом написал: «Может, на выходных в пиццу?» Галочки загорелись. Ответа не было.

Он пошёл на кухню, открыл холодильник и некоторое время стоял перед ним, как перед картиной в музее: внутри было половина пачки пельменей в морозилке, кетчуп, яйца и две бутылки пива «Жигулёвское», купленные в прошлую пятницу по акции. Андрей взял пиво, подумал и взял второе.

В девять вечера в общем чате класса — «11 «Б», выпуск 97, ВСЕ СЮДА!!!» — Серёга Пономарёв предложил устроить встречу в «Зуме». Серёга был старостой класса двадцать три года назад и, кажется, так и не смог остановиться. Теперь он владел тремя шиномонтажками, ездил на «Крузаке» и каждый год пытался собрать всех вместе.

«Народ, раз живую нельзя — давайте онлайн! В 21:30, ссылку кидаю!»

Андрей не собирался идти. Но пиво кончилось, пельмени закипали слишком долго, а в пустой квартире по вечерам было тихо так, что начинало звенеть в ушах. Он нажал на ссылку.

Их набралось девять человек. Девять квадратиков с лицами, которые Андрей узнавал с небольшой задержкой — как узнают знакомые улицы после долгого отъезда. Вот Катька Зуева, отличница, теперь стоматолог, располневшая и очень весёлая. Вот Димон Рыбин, бывший школьный хулиган, а ныне — вы не поверите — батюшка в сельском приходе, с

бородой до груди. Вот Серёга на фоне ковра с оленями.

И вот Лена.

Лена Соколова включила камеру последней. Она сидела в светлой гостиной где-то в Подмоскowie, за её спиной на стене висели фотографии детей — двое, мальчик и девочка, уже почти взрослые. Она почти не изменилась. То есть изменилась, конечно: морщинки у глаз, короткая стрижка вместо длинной косы, очки. Но улыбка была та же. Та самая, от которой у восемнадцатилетнего Андрея когда-то подгибались колени.

— Андрюха! — заорал Серёга. — Лазарев! Живой!

— Живой, — сказал Андрей. — Местами.

Все засмеялись. Лена тоже улыбнулась, и Андрей почему-то отвёл глаза от экрана.

Говорили про обычное: кто где, у кого сколько детей, кто развёлся, кто переехал. Катька рассказывала, как она лечила зубы депутату областной думы. Батюшка Димон рассказывал, как освящал Серёгины шиномонтажки. Потом кто-то сказал:

— А помните, как мы Витьку в армию провожали?

И стало тихо.

Витька Шмелёв не учился в их классе — он был из параллельного, из «В», — но все его знали, потому что без Витьки не обходилась ни одна драка, ни одна дискотека и ни одна вылазка на Волгу. Он был лучшим другом Андрея с первого класса. Он провалил вступительные в девяносто седьмом,

год проработал на авторынке и осенью девяносто восьмого ушёл в армию. В январе двухтысячного его привезли обратно — в цинке, с Кавказа. Ему было девятнадцать.

— Двадцать лет в январе будет, — тихо сказал Серёга.
— Я к матери его заезжаю иногда. Она всё его комнату не трогает.

— Царствие небесное, — пробасил Димон и перекрестился.

Андрей молчал. Он знал то, чего не знал никто из сидящих в этих квадратах. Он знал, что летом девяносто восьмого Витька просил у него денег. Не много — тысячу рублей, новыми. Хотел купить с одним парнем с авторынка старую «девятку», перебить и перепродать, а на вырученное — заплатить кому надо в военкомате, чтобы отсрочку сделали. «Мне на год, Андрюх, — говорил он. — Через год разбогатею и отдам». У Андрея тогда была тысяча — копил на музыкальный центр «Айва». И он отказал. Не потому, что жалко. А потому, что в восемнадцать лет не веришь, что с твоими друзьями может что-то случиться.

Потом был дефолт, машина стала никому не нужна, а осенью Витьку забрали.

Андрей никогда никому об этом не рассказывал.

— Андрюх, ты чего завис? — спросил Серёга.

— Связь плохая, — сказал Андрей. — Пойду я, ребят.
Завтра рано.

Он вышел из конференции раньше, чем успел увидеть,

как Лена машет ему на прощание.

* * *

Спать не хотелось. Андрей сходил в магазин у дома, купил бутылку коньяка — того, что по акции, с тремя звёздочками и честным лицом производителя на этикетке, — и вернулся домой.

Потом, после второй рюмки, он зачем-то полез на антресоль.

Там лежали коробки, которые он перевёз от родителей, когда продавали их старую квартиру после маминой смерти. Пять лет он к ним не прикасался. Три коробки: «книги», «документы» и одна без надписи, заклеенная синим скотчем.

В коробке без надписи обнаружилась его юность. Пейджер «Моторола» с треснувшим экраном. Тамагочи без батареек. Пачка журналов «Хакер» и «Игромания». Фотографии в конверте «Кодак». Значок «Nirvana». И кассетный плеер «Сони», тяжёлый, серебристый, с потёртой кнопкой «Play». В плеере была кассета.

На кассете шариковой ручкой, его собственным корявым почерком, было написано: «Май 98. Не стирать!!!»

Андрей не помнил, что там. Он повертел плеер в руках, нашёл в ящике стола пару батареек от пульта — вот так удача, АА, подошли — и надел старые наушники с поролоновыми подушечками, которые рассыпались под пальцами в желтоватую пыль.

Нажал «Play».

Сначала было шипение. Потом — треск, как будто кто-то возился с микрофоном. А потом голос. Его голос, только выше, звонче, моложе на двадцать два года:

«Раз, раз... Короче, это послание самому себе в будущее. Мне восемнадцать, сегодня одиннадцатое мая девяносто восьмого. Андрей, если ты это слушаешь, значит, тебе уже... ну, типа, много. Лет сорок, может. Я хочу спросить: ты крутой? У тебя есть джип? Ты женился на Ленке?»

Послышался смех — его собственный и чей-то ещё. Хриплый, басовитый. Витькин.

«Дай сюда, — сказал Витька где-то рядом с микрофоном. — Андрюха из будущего, это Витёк. Если ты там ещё не миллионер — значит, ты лох. Всё, конец связи».

Шипение. Щелчок.

Андрей сидел на полу в тёмной комнате, прижав наушники к ушам ладонями, и понял, что плачет — впервые, наверное, лет за десять. Некрасиво, по-мужски, беззвучно. Он плакал о Витьке, о маме, о Лене, о тысяче рублей и музыкальном центре «Айва», о биткоине по доллару и о четырёх буквах «норм» в телефоне сына. О сорока годах, которые прошли так, будто их кто-то промотал на ускоренной перемотке.

«Нет, Витёк, — подумал он. — Я не крутой. И не миллионер. Я лох».

Он перемотал кассету назад и нажал «Play» ещё раз. И

ещё. На пятый раз он уснул прямо на полу, привалившись спиной к дивану, под хриплое шипение старой плёнки.

Последнее, что он слышал, — голос Витьки: «Всё, конец связи».

А потом кто-то очень знакомо сказал над самым его ухом: — Андрюша, вставай. Пары проспишь.

Глава 3. Двенадцатое мая

Пахло сырниками. Не теми, что продаются замороженными в пакетах, а настоящими — на сковородке, в подсолнечном масле, чуть подгоревшими по краям. Так пахло только в одном месте на земле, и этого места не существовало уже пять лет.

Потом вернулся слух. Где-то за стеной бормотало радио: «...шахтёры Кузбасса продолжают блокировать Транссибирскую магистраль... правительство Сергея Кириенко...» Звякнула крышка кастрюли. Хлопнула дверь в ванную.

— Андрюша! Я второй раз не буду звать!

Андрей открыл глаза.

Над ним был потолок. Белый, в мелких трещинках, с люстрой-«тарелкой», на которой не хватало одного плафона — он разбил его в девятом классе мячом, и отец так и не собрался купить новый. Слева, на стене, висел плакат «Prodigy» — злобный Кит Флинт с зелёными рожками. Справа — ковёр. Красный, с узором, на котором в детстве он искал лица.

Андрей сел. Слишком легко сел — без привычного хруста в пояснице, без того тяжёлого стариковского усилия, которое появилось у него годам к тридцати пяти. Тело было лёгким, как пустая коробка.

Он посмотрел на свои руки. Худые, жилистые, с обгрызен-

ными ногтями — он бросил грызть ногти в двадцать пять, когда впервые пошёл на серьёзное собеседование. На костяшке правой — свежая ссадина. На запястье — плетёная фенечка, который ему сплела... Лена. Точно. Лена сплела ему фенечку на Первое мая.

«Спокойно, — сказал себе Андрей. — Это сон. Выпил коньяку, послушался кассеты, вот и снится».

Он встал, подошёл к зеркалу на дверце шкафа и некоторое время смотрел на человека в нём.

Человеку было восемнадцать лет. Он был тощий, как весалка, в растянутой майке с логотипом «Чикаго Буллз» и семейных трусах в клеточку. У него была дурацкая стрижка — «под горшок», с чёлкой, как у всех в девяносто восьмом, — прыщ на подбородке и совершенно оторопелое лицо.

Андрей ущипнул себя за руку. Больно. Ударил ладонью по зеркалу. Зеркало задребезжало.

— Андрей! — раздалось из-за двери. — Ты что там, дерёшься с кем-то?

И дверь открылась.

На пороге стояла мама.

Ей было сорок три года. На ней был синий халат в мелкий цветочек, волосы собраны в хвост, в руке лопатка для сковородки. Она была молодая, здоровая, с румянцем на щеках, и смотрела на него с тем выражением, которое бывает только у матерей восемнадцатилетних сыновей: смесь нежности, усталости и готовности дать подзатыльник.

Андрей помнил её другой. Последний год — худую, почти прозрачную, в хосписе, с катетером в руке. Помнил, как она перестала узнавать его в последнюю неделю. Помнил похороны в феврале, мокрый снег, сломанную лопату у могильщика.

— Мам, — сказал он. Голос сорвался.

— Что — «мам»? Полвосьмого! У тебя первая пара в девять!

Он шагнул к ней и обнял. Крепко, неловко, уткнувшись носом в её плечо, в халат, который пах сырниками, стиральным порошком «Лотос» и её духами — «Красная Москва», она берегла их только для особых случаев, но всё равно ими пахла.

Мама замерла. Потом осторожно похлопала его по спине лопаткой.

— Ты чего? Заболел? — Она отстранилась, потрогала ему лоб. — Горячий вроде нет. Андрюш, ты пил вчера, что ли?

— Нет. Просто... сон плохой приснился.

— Ну приснился и приснился. — Она ещё раз посмотрела на него внимательно, с подозрением. — Иди умывайся. И не вздумай опять без завтрака убежать.

Она ушла. Андрей стоял посреди комнаты и дышал, как после стометровки.

* * *

На кухне всё было именно так, как он помнил. И одновременно — совсем иначе, потому что память, оказывается,

стирает мелочи. Он забыл про клеёнку на столе — жёлтую, в подсолнухах, с прожжённым пятном у края. Забыл про календарь на стене — перекидной, с котятами, от местной страховой компании. Забыл про холодильник «Зил», который гудел так, будто собирался взлететь.

Календарь показывал: май 1998. Двенадцатое число было обведено красным карандашом — мамина рука, мамина привычка отмечать «сегодня».

Отец сидел за столом в майке и трениках и читал газету «Аргументы и факты». Отцу было сорок шесть. Он был крупный, с залысинами, с усами, которые он сбрил в две тысячи пятом и о которых Андрей совершенно забыл. Отец работал главным инженером на заводе «Промприбор», который уже тогда, в девяносто восьмом, дышал на ладан и платил зарплату с опозданием на три месяца.

В две тысячи двадцатом отец жил один в однушке на окраине, смотрел телевизор с утра до ночи и звонил Андрею по воскресеньям. Разговоры длились три минуты: «Как ты?» — «Нормально, пап». — «Ну, давай».

— Здорово, студент, — сказал отец, не отрываясь от газеты. — Опять до ночи в компьютер свой играл?

— Нет, пап. Спал.

— Ну-ну.

За столом сидела ещё и Настька — младшая сестра, двенадцать лет, с двумя хвостиками и выражением бесконечно-го презрения ко всему миру. Она ковыряла сырник вилкой

и одновременно читала журнал «Cool Girl».

В две тысячи двадцатом Настя жила в Германии, работала в фармкомпании и звонила Андрею на день рождения. Они были вежливы друг с другом, как дальние знакомые.

— Чего уставился? — буркнула Настька.

— Ничего, — сказал Андрей. — Рад тебя видеть.

Настя посмотрела на него, как на идиота. Мама, стоявшая у плиты, обернулась.

— Вить, он точно заболел, — сказала она отцу. — С утра обниматься лезет.

— Влюбился, — не отрываясь от газеты, сказал отец. — В Ленку свою. Возраст.

Андрей сел за стол. Мама поставила перед ним тарелку с тремя сырниками, сметану в пиалке и чай в кружке с отбитой ручкой. Он откусил сырник — и чуть не заплакал снова. Это было глупо, стыдно и совершенно невыносимо: такой вкус нельзя подделать ни во сне, ни в бреду.

Радио на подоконнике — пластмассовое, трёхпрограммное, «Россия» — продолжало бормотать: «...курс доллара на торгах Московской межбанковской валютной биржи составил шесть рублей...»

Андрей медленно поднял голову.

— Пап, — сказал он. — Какое сегодня число?

— Двенадцатое, — сказал отец. — Вторник. А что?

— Мая девяносто восьмого?

Отец наконец оторвался от газеты и посмотрел на сына

поверх очков.

— Нет, блин, тридцать седьмого. Ты чего, правда пересчитывался?

Двенадцатое мая. Андрей мысленно отсчитал: май, июнь, июль. Семнадцатое августа — понедельник, дефолт, заявление правительства и Центробанка. Девяносто семь дней. Он знал эту дату так же хорошо, как свой день рождения, — потому что в тот день его семья потеряла всё, что копила десять лет.

— Пап, — осторожно сказал он. — А у нас деньги где лежат?

Отец отложил газету. Мама обернулась от плиты.

— Это ещё зачем? — спросил отец.

— Просто. Интересно.

— Интересно ему. — Отец хмыкнул. — В Сбербанке лежат. На книжке. Где им ещё лежать? А осенью возьмём «девятку», как собирались, у Колькиного сваяка. Он говорит, почти новая, девяносто четвёртого года.

Андрей вспомнил. На книжке у родителей было двадцать с лишним тысяч рублей — огромные деньги по тем временам, десять лет откладывания с двух зарплат. Около трёх с половиной тысяч долларов по нынешнему курсу. После дефолта, когда доллар за месяц взлетел с шести до двадцати, эти деньги превратились в тысячу долларов. А потом, по мере инфляции, — и вовсе в пыль. «Девятку» так и не купили. Отец с тех пор больше никогда ничего не копил.

«Спокойно, — сказал себе Андрей. — Не сейчас. Сейчас ты им ничего не докажешь».

— Я просто подумал, — сказал он, — может, лучше в доллары перевести? На всякий случай.

Отец посмотрел на него с искренним интересом, как на говорящую собаку.

— Это с чего вдруг?

— Ну... мало ли. Страна у нас такая.

— Страна у нас как раз наконец-то нормальная, — сказал отец назидательно. — Валютный коридор, Центробанк держит курс. Кириенко — молодой, грамотный, экономист. Инфляция — сколько там? — десять процентов в год. Первый раз за десять лет нормально живём. Я в девяносто втором уже один раз перепрыгивал в доллары, помнишь, мать? Потом за копейки продавал.

— Помню, — вздохнула мама.

— Вот. Нечего в панику бросаться. Ешь давай, умник.

Андрей ел сырники и молчал. Он понимал, что только что проиграл первый раунд. И понимал ещё одну вещь, более важную: отец не поверит ему никогда. Не потому что глупый. А потому что Андрей для него — восемнадцатилетний пацан, который ещё вчера не мог сам купить себе ботинки. Нельзя прийти к отцу и сказать: «Пап, я знаю будущее». Можно только доказать.

А для доказательства нужны были деньги. Свои.

* * *

В институт он, разумеется, не пошёл.

Он вышел из подъезда в десять утра — в джинсах-«варёнках», которые с утра показались ему чудовищными, в кроссовках «Адидас» китайского производства с четырьмя полосками вместо трёх и в олимпийке, — и остановился, щурясь от солнца.

Верхнекамск девяносто восьмого года лежал перед ним, как старая фотография, в которую можно войти.

Двор был тот же и не тот. Не было парковки, забитой машинами в два ряда, — вместо неё стояли три «жигуля», «Москвич» с ржавым крылом и чья-то «Волга» на кирпичах. Не было детской площадки с яркими пластиковыми горками — вместо неё были железные качели, выкрашенные в синий, и песочница с грибком. На лавочке у подъезда сидели бабки. Живые, настоящие, в платках. Андрей помнил их имена: баба Зина, баба Люда и третья, которую все звали Прокуроршей.

— Здравствуйте, — сказал Андрей.

— Здравсьте, здравсьте, — отозвалась Прокурорша и проводила его взглядом.

Он пошёл по улице Ленина к центру. И с каждым шагом девяносто восьмой год наваливался на него всё плотнее.

Ларьки. Бесконечные ряды ларьков — «комков», как их тогда называли, — с решётками на окошках, за которыми громоздились пирамиды из банок «Спрайта», шоколадок «Марс», пачек «Мальборо» и бутылок водки «Распутин» с

подмигивающим бородачом на этикетке. Возле одного ларька курили двое в кожаных куртках и спортивных штанах. Андрей машинально опустил глаза — рефлекс, который сработал раньше, чем он успел о нём вспомнить.

Троллейбус, дребезжащий и рогатый, с рекламой на боку. «Инкомбанк — надёжность, проверенная временем». Андрей хмыкнул. Инкомбанк рухнет через пару месяцев после дефолта, и лицензию у него отзовут.

Обменный пункт с табличкой, написанной фломастером: «USD покупка 6,10 — продажа 6,18. DM покупка 3,40...» Дойчмарки. Андрей постоял возле таблички, как турист у памятника.

Киоск «Союзпечать» с газетами. «Московский комсомолец», «Спид-Инфо», «Коммерсантъ». Андрей купил «Коммерсантъ» за два рубля пятьдесят копеек — новыми, после деноминации, хотя продавщица сказала «две пятьсот», по старому — и пролистал. Биржевые сводки, облигации ГКО с доходностью под сорок процентов годовых, интервью с каким-то банкиром, который уверял, что российский финансовый рынок стабилен как никогда. Андрей сложил газету и сунул её в карман олимпийки. Надо будет перечитать внимательно.

Видеосалон с афишей «Титаник» — всё ещё шёл, уже третий месяц. Рядом — компьютерный клуб «Матрица», в котором за десять рублей в час можно было играть в «Квейк» по сети. Андрей вспомнил, что проводил здесь вечера — все

вечера — всю весну девяносто восьмого. Вместо учёбы. Вместо Лены.

Он остановился посреди улицы.

Люди обходили его. Кто-то толкнул плечом, кто-то буркнул «чего встал». Машины сигналили на перекрёстке. Из открытого окна на втором этаже орала музыка. Андрей стоял и чувствовал, как внутри него медленно, со скрипом, поворачивается огромный ржавый механизм.

Он не сошёл с ума. Это не сон. Он здесь. В мае девяносто восьмого. И у него девяносто семь дней до того момента, когда вся эта страна, со всеми её ларьками, троллейбусами и бабками на лавочках, проснётся на двадцать с лишним лет беднее.

А он знает. Знает всё. Не в деталях — он никогда не был экономистом, не читал аналитику, не следил за курсами. Но он знает главное. Знает, что будет. Знает, кто выиграет. Знает, кто умрёт.

Витька.

Андрей развернулся и почти побежал.

* * *

Авторынок находился на окраине, у старой промзоны, — огромный пустырь, заставленный машинами, с шашлычной в вагончике и туалетом, в который лучше было не заходить. По выходным здесь было не протолкнуться, а в будний день бродило человек двадцать — перекупщики, пара растерянных покупателей и милиционер, который никуда не смотрел.

Витька нашёлся возле синей «восьмёрки» с поднятым капотом. Он стоял, по пояс засунувшись в двигатель, и матерился — вдохновенно, с душой, как умел только он.

Андрей остановился в трёх шагах.

Он помнил Витьку живым. Но помнил плохо, — это он понял только сейчас. Память хранила одну-две фотографии, похороны, закрытый гроб и мать Витьки, тётю Галю, которая была так, что было слышно на другом конце кладбища. А живого — нет. Живого память стёрла, как стирают неудобное.

Витька вынырнул из-под капота. Он был широкий, коренастый, с короткой стрижкой «ёжиком», весь перемазанный маслом, в тельняшке и камуфляжных штанах. У него были веснушки, которые Андрей тоже забыл, и сломанный в восьмом классе нос.

— О! — сказал Витька. — Андрюха! Ты чего не в институте?

Андрей молчал.

— Ты чего? — Витька вытер руки о тряпку. — Случилось что? У тебя лицо, как будто тебе Ленка отказала.

— Нет, — сказал Андрей. — Нормально всё. Просто... соскучился.

— Соскучился? — Витька заржал. — Мы вчера до двух ночи сидели. Ты чего, до сих пор не протрезвел? Мы ещё кассету записывали, помнишь? Послание в будущее, блин. Ты с «Мартини» своего совсем окосел.

Кассета. Одиннадцатое мая. Вчера.

— Помню, — медленно сказал Андрей. — Помню, Вить.

— Ну вот. — Витька хлопнул его по плечу тяжёлой масляной ладонью. — Слушай, раз уж ты пришёл. Дело есть. Серьёзное.

Андрей почувствовал, как у него холодеет в животе.

— Какое дело?

— Короче. — Витька оглянулся и понизил голос. — Тут один мужик, Гарик, «девятку» продаёт. Битую, но движок живой. Он за неё просит всего полторы. Если с кузовом повозиться — продадим за три, а то и за три с половиной. Я уже с Толяном договорился, он покрасит в гараже. Мне только свои полштуки добавить не хватает. Одолжишь? Я тебе через месяц с процентами отдам, честно.

Это был тот же разговор. Почти слово в слово. Только тогда он случился в июле, а не в мае. Или Андрей просто неправильно запомнил? Или... что-то уже начало меняться?

— А зачем тебе? — спросил он. — Ну, кроме денег.

Витька замялся. Отвёл глаза.

— Повестка пришла, — сказал он неохотно. — На осень. Мать ревёт. А Толян говорит — в военкомате есть человек. Если занести, то отсрочку по здоровью нарисуют. Там ценник — тыща. Долларов, понял? Мне бы на машине подняться — и я вообще никуда не пойду. Мать одна, ей тяжело. Да и чего я там забыл, в армии?

Андрей смотрел на Витьку. На его веснушки, на сломан-

ный нос, на масляные разводы на тельняшке. На девятнадцатилетнего пацана, которого через полтора года привезут домой в запаянном ящике.

— Вить, — сказал Андрей. — У меня сейчас нет. Но будет.

Витька поскуchnел.

— Ну да. Понятно.

— Нет, ты не понял. — Андрей шагнул к нему и взял за плечо. Крепко, так, что Витька удивлённо поднял брови. — Слушай меня внимательно. Ты в армию не пойдёшь. Я тебе обещаю. Я найду деньги. Не полштуки — больше. Но тебе нужно сделать одну вещь.

— Какую?

— Не связывайся с Гариком. Не покупай у него машину.

— Это ещё почему?

Андрей не знал почему. То есть знал — к осени машина станет неликвидом, никто не будет покупать ничего, кроме хлеба и водки, — но объяснить это было невозможно.

— Просто поверь. Я тебе когда-нибудь врал?

Витька подумал.

— В шестом классе. Про то, что у тебя дядя в Америке.

— Кроме этого.

— Ну... нет.

— Вот. — Андрей отпустил его плечо. — Дай мне две недели. Две недели, Вить. Я приду с деньгами.

Витька

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.